

**André
Comte-Sponville**

DESSINS DE
Sylvie Thybert

LA VIE HUMAINE

**Андре
Конт-Спонвиль**

**ЖИЗНЬ
ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ**

 **ЭТЕРНА
ПАЛИМПЕСТ
2020**

УДК 1/14
ББК 87
К64

André Comte-Sponville. LA VIE HUMAINE
Dessins de Sylvie Thybert

Дизайн – Александр Зарубин
Рисунки Сильви Тибер

Конт-Спонвиль, Андре
К64 Жизнь человеческая / Пер. с фр. Е.В. Головиной. – М.: Этерна; Палимпсест,
2020. – 168 с.

ISBN 978-5-480-00389-5

Судьба любого человека уникальна. Но каждый из нас рождается, взрослеет, стареет и умирает, проходя свой неповторимый жизненный путь по одинаковым этапам так же, как и все люди, жившие до нас, и как те, кто придет после. Жизнь человеческая глазами известнейшего современного французского философа.

Для широкого круга читателей.

УДК 1/14
ББК 87

ISBN 978-5-480-00389-5 (Россия)
ISBN 978-2-7056-6600-2 (Франция)

© Hermann Éditeurs, 2007
© Е.В. Головина, перевод, 2020
© Палимпсест, 2020
© ООО «Издательство «Этерна»,
оформление, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

<i>От издательства</i>	6
<i>Предисловие автора</i>	10
I До того как...	13
II Рождение	27
III Дитя	41
IV Подросток	53
V Любовь	65
VI Во имя сына	77
VII Труд	89
VIII Вместе	105
IX Наслаждение и страдание	117
X Существование во времени	131
XI Смерть	143
XII Вечность	155

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Последняя глава книги, которую вы держите в руках, называется «Вечность», так же как и наше издательство в переводе с латыни. Вот уж о чем современнику думается с трудом, так это о чем-либо неизменном, не сиюминутном, не преходящем. Да и существуют ли они вообще – так называемые вечные ценности?

Андре Конт-Спонвиль (род. в Париже в 1952 году) – известнейший философ, член Национального консультативного совета Франции по этике, который знаменит своими публичными лекциями и книгами. Они переведены на 24 языка, и на русском впервые именно в нашем издательстве были опубликованы его «Философский словарь» и «Малый трактат о великих добродетелях».

«Жизнь человеческая» – виртуозное произведение-путеводитель для тех, кто ищет смыслы, размышляет, думает, любит, печалится, боится, страдает и наслаждается – одним словом, живет. Как замечает автор, у каждого из нас свой путь, но он всегда ведет только к себе.

Книга проиллюстрирована Сильви Тибер, женой Конт-Спонвиля. Рисунки эти словно пронизаны светом и тенью человечности и составляют с текстом единое целое. «Жизнь есть бесконечный процесс изменения. Мы все переживаем минуты мудрости, все – или почти все – минуты безумия... Мудрец принимает все это спокойно. Человечность, говорит он, важнее мудрости».

Какие своевременные слова!

Жанне и Клер посвящается

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Совместный проект. Мы уже много лет жили вместе, но подобная идея даже не приходила нам в голову, пока не нашелся издатель, который предложил ее реализовать. С самого начала нам пришлось преодолевать огромный разрыв – между философией и искусством, между самым близким и самым далеким, между личным и публичным. Творчество питается жизнью – такова счастливая неизбежность, но это не означает, что жизнь должна выставлять себя напоказ в конкретном произведении.

Тем не менее, как только идея была озвучена, она показалась нам естественной до очевидности. Не в силу сомнительного удовольствия делиться своей историей – как увидит читатель, об этом в книге не идет и речи. Но мы оба осознали настоящее желание проделать рука об руку один и тот же путь, двигаясь, каждый по-своему, к одной и той же истине, которая всегда универсальна и другой не бывает, или к одной и той же объединяющей нас цели. Истина – это человечность, а цель – стремление рассказать о ней и показать ее, какой она представляется нам на основе наших убеждений, нашего опыта и наших чувств.

Именно это стремление заставляло художника пристальнее взглянуть в лицо человека, что является излюбленным сюжетом изобразительного искусства. Философа же оно побудило отвлечься от абстрактных рассуждений и умозрительных заключений. Философия? Литература? Все это только слова. Истина и жизнь интересуют меня гораздо больше.

Мы работали сообща, но независимо друг от друга. Рисунки Сильви Тибер не служат иллюстрацией к моим текстам, как мои тексты не являются комментарием к ее рисункам. Просто мы обратились к одним и тем же совместно выбранным темам, которые оба считаем наиболее важными с точки зрения человечности. Другие люди на нашем месте выбрали бы другие темы – и мы прекрасно это понимаем. Таков удел человека как «части» человечества: общее проявляется в нем, даже когда он не одинок, в уникальной форме.

I

До того как...

I

До того как...

До того как появился род человеческий, существовала Земля. До Земли существовала Вселенная. А что было до Вселенной? Этого мы не знаем и не можем знать. Гипотеза о Большом взрыве ничего не объясняет, потому что придется объяснить, откуда взялся Большой взрыв. Но причиной Большого взрыва может быть только нечто, существовавшее до него, и это нечто в свою очередь нуждается в объяснении – и так далее. Мы получаем цепочку причинно-следственных связей, природа которых необъяснима. Либо эта цепочка конечна, и тогда она должна начинаться с чего-то необъяснимого (абсолютного начала, которому ничто не предшествует, то есть следствия без причины). Либо она бесконечна, и тогда необъяснима в принципе. Лейбниц, впрочем не он первый, выводил из этих рассуждений доказательство существования Бога. Допустим, существует нечто – например, я или мир. Этого нечто могло бы и не быть (его существование носит слу-

чайный характер). Следовательно, чтобы оно существовало, должно быть что-то еще. Но ведь это «что-то еще» тоже носит случайный характер, не так ли? Значит, мы должны объяснить его существование еще чем-то, что в свою очередь... ну и так далее. «Мы не продвинулись ни на шаг», – констатирует Лейбниц. Следует либо нарушить закон причинности («ничто не рождается из ничего») и принцип достаточного основания (не существует ничего, что не имело бы основания и не могло быть объяснено), либо принять концепцию дурной бесконечности, которая ничего не объясняет и все объявляет необъяснимым. *Anankè sthènai*, как говорил еще Аристотель: надо где-то остановиться. Но где? Уж точно не в цепочке случайных причин, поскольку каждая из них должна иметь свою причину. Остановиться мы можем, только если найдем необходимую причину, то есть такую причину, которая не может не существовать, – причину, которая должна быть вечной и служить причиной самой себе. Иначе говоря, Бога.

Таково в кратком изложении доказательство существования Бога по Лейбницу, которое он называл *a contingentia mundi* – аргументом от мировой случайности. Цепочка случайных причин должна иметь какую-то причину, внешнюю по отношению к этой цепочке, иными словами, трансцендентную. Почему существует мир? Потому что есть Бог. Таков причинный порядок. Почему существует Бог? Потому что есть мир. Это порядок следствий или оснований. Но что доказывает, что существует вообще какой-то порядок?

Приношу читателю извинение за то, что начал с таких абстракций. Начало всегда абстрактно, поскольку предполагает некое отсечение от предшествующего (*abstrahere* в переводе с латыни означает «отделять»). Но это к слову. О том, что это «доказательство» ничего не доказывает, знал уже Паскаль, а показали Юм и Кант, но на этом мы останавливаться не будем. Как объяснить бытие, если любое объяснение подразумевает существование бытия? Как его доказать, если ни одно доказательство не является убедительным? Пытаться доказать существование Бога через существование – случайное – мира означает совершить переход от концепта (понятия о необходимой причине) к существованию чего-то конкретного (в данном случае Бога), что невозможно. Кстати сказать, даже если бы мы могли доказать, что простое существование чего-либо или кого-либо подразумевает существование некой абсолютно необходимой сущности, из этого не следует, что этой сущностью должен быть Бог – ею может быть, например, Природа, как полагал Спиноза, или само Бытие, как считал Парменид. Также ничто не доказывает, что эта сущность наделена сознанием, или что она всемогуща, или что она любит нас и заботится о нас... Но все это неважно. Важно то, что, как я уже говорил, мы не знаем, что было до того, как возникла Вселенная, и не можем этого знать – верующим это неведомо ровно в той же степени, что и атеистам. Истина не принадлежит никому. Как и тайна.

Почему все же что-то скорее существует, чем не существует? Это главный вопрос, занимавший Лейбница, вопрос

о человеке и мире, о месте человека в мире, и это вопрос, который для нас навсегда останется без ответа – во всяком случае до тех пор, пока мы пребываем в этом мире. Нелепый вопрос, возражает мне Марсель Конш¹, потому что бытие вечно. Но вечность также нуждается в объяснении, как и все прочее, и не может сама по себе служить объяснением. Если бытие вечно (если что-либо всегда существовало), то отпадает нужда искать его причину, происхождение или начало. Но этого утверждения недостаточно, чтобы принять его за достаточное основание. Следовательно, нечто должно существовать безо всякого основания – либо иметь основание для существования в себе самом, – что абсурдно, то есть выглядит невразумительно. Метафизики сталкиваются с этой неразрешимой загадкой точно так же, как физики и богословы. Почему вероятность того, что Большой взрыв был, больше вероятности того, что его не было? Почему вероятность существования Бога выше, чем вероятность того, что никакого Бога нет? Почему скорее есть всё, чем нет ничего? Бытие – это тайна, Вселенная – загадка, причем заключающая в себе все прочие загадки и, возможно, единственная, не имеющая решения.

Мир и тайна мироздания существовали до появления человека. Мы находимся внутри этого мира – в сердце бытия, в сердце тайны, – то есть в центре всего сущего. Но, конечно, не в центре Вселенной, поскольку ничто не свидетельствует о том, что у Вселенной есть центр (если она

¹ Ко н ш, Марсель (Marcel Conche) – родился в 1922 году, французский философ, историк, профессор Сорбонны. – *Здесь и далее примечания редактора.*

бесконечна, идея центра является внутренне противоречивой). Мы располагаемся в каком-то ее месте, в окружении всего, что составляет Вселенную (миллиарды галактик, каждая из которых состоит из миллиардов звезд или звездных систем), и мы лишены возможности выбраться за ее пределы живыми, да и вообще – выбраться из нее. Труп – принадлежность материального мира. Идея, мысль – при условии, что ее кто-то думает или о ней вспоминает, – тоже. Получается, мы заложники имманентности¹? Выходит дело, да. Но она превращается в тюрьму только в том случае, если мы знаем, что существует и что-то другое (трансцендентность), а как раз этого никто и не знает. Как великолепно сказал Паскаль: «Рассматривая малую продолжительность своей жизни, поглощаемую предшествующей и последующей вечностью, незначительность занимаемого мною пространства, незаметно исчезающего в глазах моих среди необъятных пространств, невидимых ни мне, ни другим – я прихожу в ужас и изумление, почему мне нужно быть здесь, а не там, почему теперь, а не тогда! Кто поставил меня здесь? По чьему повелению и назначению определено мне это место и это время?»². На этот вопрос у нас нет ответа, и ничто не доказывает, что подобный ответ вообще возможен. Бог – это просто еще одна случайность; случайность – все то же самое за вычетом Бога. Тайна бытия, не поддающаяся освещению. Потому что она и есть свет.

¹ Имманентность – философская категория, обозначающая неотъемлемость, внутреннюю связь в противоположность внешней.

² Перевод Ю. Гинзбург. – *Прим. пер.*

Но есть еще и история. История мира, история жизни, история человечества. Когда я преподавал в старших классах школы, мне доводилось чертить на доске схематическое изображение истории – я проводил по всей длине доски как можно более ровную линию. Справа, на ее конце, ставил точку: мы находимся здесь (и сейчас). Чуть левее располагалась Вторая мировая война; еще на несколько сантиметров левее – Первая мировая. Я продолжал ставить точки, стараясь соблюдать пропорции: вот Французская революция, вот изобретение книгопечатания, вот царствование Карла Великого, вот падение Римской империи, вот Юлий Цезарь, вот век Перикла... Мы добрались примерно до половины начерченной мною линии. А когда была изобретена письменность? Примерно пять тысяч лет назад. Это крайняя левая точка на доске. Я продолжал линию за пределы доски, на стену: это предыстория. Примерно здесь у нас бронзовый век, а вот неолитическая революция, произошедшая десять тысяч лет назад. Стена кончилась. Я перебрался на окно, за ним – на школьный двор, на улицу, в город... Каменный век? Он начался, вернее, закончился, раз уж мы движемся по временной линии вспять, в школьном дворе. Появление *Homo sapiens*? Это где-то там, на той стороне улицы, в ста-двухстах метрах. *Homo erectus*? *Homo habilis*? Два-три километра. Первые гоминиды? Примерно шесть километров. Первые приматы? Пятьдесят-шестьдесят километров. Первые млекопитающие? Двести километров. Возникновение жизни на Земле? Это очень далеко. По времени – больше трех миллиардов лет, возможно, все четыре; если наш класс окнами смотрит

на запад, то нужная точка окажется где-то посередине Атлантического океана. Образование Солнечной системы? Пять миллиардов лет: мы приблизились к американским берегам. Большой взрыв? 12–15 миллиардов лет (вроде бы); мы уже в Тихом океане и, хотя двигались на запад, почти вплотную подошли к Японии и Южно-Китайскому морю. А что было до Большого взрыва? Я показывал на горизонт, на небо, в бесконечность: этого мы не знаем! Мы не знаем даже, были ли на самом деле Большой взрыв. Затем я возвращался к доске, к крайней правой точке на линии и к тем четырем или пяти сантиметрам, которые отделяют нас от Освенцима и Хиросимы. И ставил палец посередине этого крохотного отрезка: вот где вы родились, говорил я своим ученикам, но вас никогда не было бы, не существуй все, что предшествовало вашему рождению.

До всякого человека была история: история мира, история жизни, история людей. Множественное число предшествует единственному, хотя его предполагает. Вид предшествует индивиду, а ему предшествуют другие виды. Большие обезьяны, которыми мы являемся, весьма близкие к шимпанзе и гориллам (генетики утверждают, что мы гораздо ближе к ним, чем они сами к своим азиатским кузенам – орангутангам и гиббонам: наш генетический код почти на 99 процентов идентичен генетическому коду шимпанзе, что явно говорит о наличии общего предка), так похожи и так не похожи на других. Да, у нас более выраженная способность ходить на двух ногах, мозг большего объема, более ловко устроенная рука, удобнее расположенная гортань,

более совершенные голосовые связки и так далее. Так вот, тот факт, что большие обезьяны, то есть мы, в конце концов изобрели земледелие и металлургию, искусство и религию, письменность и науки, мораль и политику, паровую машину и информатику, гастрономию и эротику, право и социальное страхование, философию и болтовню, вовсе не был чем-то неизбежным, а это заслуживает уважения! Посреди всего этого было огромное количество всяческих ужасов: войны и массовое истребление людей, пытки и насилие, рабство и геноцид, – и это ни для кого не секрет. *Homo sapiens* есть *homo demens* (человек безумный), как справедливо замечает Эдгар Морен¹. Обезьяны бонобо, судя по всему, куда менее агрессивны, чем мы, и предпочитают заниматься любовью (лицом к лицу, кстати), а не войной, но... Но они понятия не имеют о Моцарте, Шекспире, правах человека и даже правах животных. Так стоила ли игра свеч? Если мы ответим, что нет, не стоила, мы тем самым подтвердим правоту истязателей и палачей. Можно придерживаться гуманизма, не испытывая иллюзий, но все же это будет гуманизм. Человек способен пытать другого человека. Но он же способен бороться против пыток. Человек способен вести войны. Но он же способен бороться за мир и справедливость. Только человек может быть бесчеловечным, и в этом проклятье человека. Но величие человека в том, что только он может – и должен – *стать* человеческим. Теоретики антигуманизма заявляют, что человек – такое же животное, как все остальные. Практики гуманизма уверены, что наша задача – сделать

¹ Морен, Эдгар (род. в 1921 г., 98 лет), известный французский философ и социолог.

из человека нечто другое. «*Let us make man*»¹, – сказал Гоббс. Монтень писал о создании «хорошего человека». Подобный гуманизм – не религия, а мораль. Человек – не Бог; человек – наша цель.

Монтень рассуждает об «общем долге человечества, связывающем нас не только с животными, которым даны жизнь и чувства, но и с деревьями и растениями». Сегодняшние защитники природы отлично его понимают. Но вот деревья, растения и животные не знают об этом ничего. Скажем, мы боремся за спасение китов, слонов, горилл... И правильно делаем. Но представим себе на миг, что человечество вдруг станет исчезающим видом – а этого нельзя исключить. Ни киты, ни слоны, ни гориллы и пальцем о палец не ударят, чтобы нам помочь. Гуманизм – это свойство человека. Заниматься экологией может только человек. Человечество – это не просто вид животного, человечество – носитель добродетели, и это многое говорит нам о нашей уникальности.

Мы не знаем, как это все начиналось и было ли у всего этого начало. Зато мы знаем, что являемся продолжателями истории, начавшейся задолго до нас, включающей нас в себя и проникающей в нас, и в этом продолжении состоит наша задача, наша судьба, наше достоинство, и только это дает нам смелость и позволяет обрести счастье. Всякая жизнь – подарок. Остается ее прожить. Жизнь зарождается, а не создается творцом. В наших силах – ее изобрести.

¹ Не мешайте нам творить человека (англ.). – Прим. пер.

II

Рождение

II

Рождение

До появления на свет любого человеческого существа всегда есть женщина. Всегда. А что насчет отца? Без отца можно в крайнем случае обойтись, и не исключено, что когда-нибудь так и будет. Довольно часто случается, что человек не знает, кто его отец, а тот, в свою очередь, не подозревает о том, что у него есть потомок. У большинства видов животных отец – это просто производитель, который необходим биологически, но нисколько не заботится о своем потомстве (если вообще знает, что оно у него есть), а потомство не заботится об отце. У некоторых народов (например, мосо – живущей в Китае народности из группы наси), не знакомых с институтом брака, личность отца также не имеет никакого значения. Женщина проводит ночь (или много ночей) то с одним мужчиной, то с другим и, как следствие, беременеет, но никто не знает, кто именно отец будущего ребенка. Родившись, ребенок живет с матерью, бабушкой и единоутробными братьями и сестрами. Этно-

логи утверждают, что у мосо сложилось чрезвычайно свободное и миролюбивое общество. Отец необходим биологически, но по-человечески является излишним. Доминирующее положение (обладание властью и собственностью) ему обеспечивает не природа, а общество. Асимметрии природы противостоит асимметрия культуры, и вторая вносит коррективы в первую. Отец почти всегда и почти везде пользуется социальной и культурной привилегией. Во многих обществах ему достаточно имени, им же установленного закона и владения имуществом, чтобы занять господствующее положение. В крайнем случае он играет символическую роль (или, как говорит Лакан¹, его роль сама является символом).

Совсем другое дело – мать. Даже у млекопитающих мать не просто дает детенышу жизнь: она вынашивает его и кормит. В отличие от отца, она не имеет возможности его не замечать. В человеческом обществе мать должна защищать своего ребенка – иногда, например, от его же отца. Это она на протяжении лет баюкает и утешает малыша, купает и любит, разговаривает с ним, слушает его. Она его воспитывает. Человечество – это изобретение женщин. Даже в нашем современном обществе мать почти всегда остается для человека его первой любовью, а иногда и последней. Это не случайно: ведь она первая, кто его полюбил.

Отметим кстати, что совершенно неважно, идет речь о биологической матери или нет. Например, мой отец, рож-

¹ Л а к а н, Жак Мари Эмиль (1901–1981) – французский философ и психиатр. Одна из самых влиятельных фигур в истории психоанализа.

денный от некоего Жюльена Конта, провел все детство у своих крестных, в семье Спонвилей, которые его в конце концов усыновили. Я их не знал, но отец всегда рассказывал мне о них с редким для него радостным волнением. На закате своих дней, страдая тяжелой формой болезни Альцгеймера, он мог произносить всего одно слово, с которым обращался в том числе к своей внимательной и заботливой жене (может, он путал ее с приемной матерью?). Иногда это слово звучало в его устах как жалоба, или призыв на помощь, или даже молитва, не обращенная к какому-то конкретному человеку, а скорее служившая знаком того, что он все еще чувствовал себя привязанным к жизни, к человеческой жизни, к той крохотной толике человечности, что оставалась в его сознании. Слово это было «крестная». Его крестная умерла больше полувека назад, но для него она была живей его биологических родителей, которых он прекрасно знал, и живее его собственных детей, которых он перестал узнавать. Приемная мать – это и есть мать. Биологическая мать становится матерью только тогда и потому, что это она воспитывает ребенка, окружает его вниманием, заботой и любовью. В современном западном обществе биологическая мать больше не может хранить анонимность, за исключением особо оговоренных в законе случаев. Она может ничего не знать о своих детях (если она их бросила или если их у нее отобрали), но в любом случае она не может не знать, что это именно она выносила их и произвела на свет. Материнство «вписано» в нее, в ее организм, тогда как для установления отцовства необходима юридическая процедура

или генетический анализ. Отцовство – функция в первую очередь биологическая, а во вторую – символическая. Материнство – это жизненно необходимая физиологическая функция кормилицы. Отец необходим биологически. Мать необходима с человеческой точки зрения.

Но прежде всего человек должен родиться, то есть покинуть свою мать, расстаться с ней.

Тайна рождения, как пишет Симона Вейль¹, загадочнее, чем тайна смерти, и побуждает к более глубоким размышлениям. При рождении мы имеем дело со случайностью, которая и есть истинная необходимость, тогда как смерть сталкивает нас с судьбой – необходимостью ретроспективной или запрограммированной. Неважно, умру я навсегда или нет (воскресну после смерти или нет) – это ничего не меняет в той жизни, какая выпала мне на этой земле. Она не изменится задним числом. Но что, если бы я не родился? Или если бы я родился от других родителей? Да даже от тех же родителей, но зачатый от другого сперматозоида и в другой яйцеклетке? Скорее всего, я был бы кем-то другим, вернее сказать, меня попросту не было бы. Всякая смерть неизбежна (неважно, что она может произойти случайно: умирать-то все равно приходится, как ни крути). Но ни одно рождение не неизбежно, даже если оно запланировано желанием родителей. Смерть – это фатальность, судьба. Рождение – это удача, шанс.

¹ Вейль, Симона (1909–1943) – французский философ и религиозная мыслительница.

Не помню, кто из юмористов подсчитал, что, исходя из количества сперматозоидов (тестикулы производят примерно 300 миллионов сперматозоидов в сутки) и яйцеклеток (по одной ежемесячно), вероятность родиться на свет для каждого из нас, даже если принять за условие, что наши родители живут вместе, меньше чем единица на 100 тысяч миллиардов. Логично предположить, продолжает он, что каждый из живущих на Земле исчерпал свои шансы на взятие еще при зачатии. Это, разумеется, преувеличение, и в том-то и состоит соль шутки: бывает, что жизнь, даже после рождения, осыпает нас щедротами, на которые мы и не смели надеяться. На протяжении жизни нас поджидает столько всяких ужасов, что само наше выживание можно считать великой удачей. В чем прав наш юморист, так это в том, что для каждого человека имеет значение именно невероятно низкая вероятность того, что будет зачат именно он. Если бы наши родители в тот день не занимались любовью, или делали бы это несколькими часами раньше или позже, или, например, в другой позе, нас сегодня не существовало бы и мы бы обо всем этом не рассуждали. Такова слепая воля влечения, лотерея жизни. Рождение каждого человека – это джекпот, первый и самый большой, поскольку от него зависит все остальное.

Но и это еще не всё. Ведь та же степень вероятности обусловила рождение наших родителей, рождение наших бабушек и дедушек (которых четверо) и рождение наших прабабок и прадедов (их у каждого из нас уже восемь). С каждым шагом, обусловленным предшествующим шагом,

степень вероятности снижается. Через несколько поколений она, не равняясь нулю, становится столь ничтожно малой, что ни один уважающий себя статистик не принял бы ее в расчет. Выигрыш в лото по сравнению с этим – вполне реальная перспектива.

Но, несмотря на все сказанное, мы все родились на свет. Чудо случилось – во всяком случае однажды для каждого из нас, – и это чудо продолжает происходить для каждого вновь рожденного по меньшей мере на протяжении последних ста тысяч лет, даже если рассматривать только историю человека вида *Homo sapiens*. Если бы одно из тысяч совокуплений, отделяющих нас от наших предков (вернее сказать, соединяющих нас с ними прерывистой и одновременно непрерывной цепочкой), не состоялось бы или не привело к зачатию, то изменилась бы вся последующая череда событий. Иначе говоря, никого из нас не было бы на этом свете и некому было бы удивляться тому, что мы существуем! Что в масштабе вида может быть обыкновеннее совокупления, зачатия и беременности? И что может быть невероятнее, исключительнее и уникальнее, чем их результат! Результат, который невозможно спланировать заранее. Результат, который невозможно повторить. На свет рождается индивидуум – неважно, какой именно, но отличающийся от всех остальных индивидуумов.

А как же однояйцевые близнецы, спросит читатель. Что ж, это всего лишь еще одна уникальность. К тому же даже генетически идентичные близнецы постепенно становятся качественно разными – потому, что они занимают

разные пространства и живут разной жизнью, страдают от разных болезней, накапливают разные воспоминания, влюбляются в разных людей...

Нет ничего банальнее факта рождения. Но нет ничего удивительнее, чем быть собой. Банальность жизни равнозначна чуду жизни. Собственная банальность должна внушить нам чувство скромности. Собственная уникальность – горделивость. Никто из нас не выбирал, родиться ему или нет. Никто не выбирал, кем ему быть, – и стал собой. Но от этого факта зависит все дальнейшее. Разве не глупо гордиться собой, своей красотой, своей физической силой, своим умом и даже своими решениями, если знаешь, что ты *не выбирал*, кем тебе стать, то есть был лишен возможности участвовать в выборе всех предшествующих вариантов? Вначале мы ничто, утверждает Сартр; и свобода – это небытие, посредством которого каждый человек есть абсолютный выбор себя. Тезис, легко опровергаемый при внимательном взгляде на новорожденного младенца. Как это он сам себя выбрал? И с какой стати он ничто? Да, в дальнейшем, возможно, даже с первого дня жизни, ему предстоит «броситься в неведомое будущее». Но как можно согласиться с утверждением Сартра о том, что не существует ничего, предшествующего этому проекту, если сам проект в этом случае будет невозможен? Чтобы что-то планировать, надо как минимум существовать: сущность (то, чем мы являемся, наше тело) предшествует существованию (нашему выбору, нашим планам, нашим потенциальным возможностям) и делает его осуществимым.

В настоящем времени сущность и существование неразрывно связаны. Но разве на свете есть что-нибудь кроме настоящего? Это единственный момент бытия, деятельности, свободы – единственный реальный момент. Мы выбираем только будущее? Допустим. Но выбираем-то мы его в настоящем! В данном случае онтология важнее этики, вернее сказать, этика является онтологией в действии. Жить настоящим, как призывали стоики и как говорят все мудрецы, это не приказ, а необходимость (разве можно жить в прошлом или в будущем?), это реальность для каждого из нас (быть – означает быть здесь и сейчас), это сама жизнь. Воспоминания? Но вспоминаем мы в настоящем времени. Предвидение, предположения, планы? Мы строим их тоже в настоящем времени. В этом и заключается истинная свобода. И истинная человечность. Бытие для человека означает существование; существовать (жить, действовать, меняться) – для нас единственный способ бытия. Но для этого надо прежде всего быть, и быть непрестанно. Свобода – не столько отправная точка, сколько процесс, не столько свобода воли, сколько освобождение. Ни один человек не является результатом абсолютного выбора самого себя, но точно так же ни один человек не может обойтись без необходимости делать выбор. Свободными не рождаются, свободными становятся.

Это налагает на нас высокие требования. Нам дана жизнь – несмотря на ничтожно малую ее вероятность, и мы не имеем права ее профукать. Жизнь – это не судьба,

а постоянное приключение. Никто не выбирает, родиться ему или нет; никто не может прожить жизнь, не делая никакого выбора. Никто не виноват в том, что он родился таким, каким родился, но каждый отвечает за свои действия и поступки. Иными словами, каждый несет хотя бы долю ответственности за то, кем он *стал*. Размышления Аристотеля отличаются от размышлений Сартра большей глубиной. Нельзя стать кузнецом, не взяв в руки кузнечный молот. Нельзя спиться, если в рот не берешь спиртного. Только совершая добрые дела, человек становится добродетельным. «Делай дело, – говорит Лекье¹, – и ты сделаешь себя». Дело не способно превратить одного человека в другого – этого не может никто. Но оно не позволяет нам слишком легко смириться с тем, кто мы есть, и никто не должен заранее опускать руки.

Жизнь – это дар, как я говорил выше. Наша задача – не оказаться недостойными этого дара, который является нашим настоящим. Лотерея жизни – и сражение за жизнь. Мы появились на свет случайно, с этим никто не спорит, но это не причина пускать свою жизнь на самотек. Рождение – наш первый шанс. Способность этим шансом воспользоваться – наш первый долг.

¹ Л е к ь е, Жюль (1814–1862) – французский философ, предшественник неокритицизма.

Научно-популярное издание

АНДРЕ КОНТ-СПОНВИЛЬ

ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ

Перевод с французского Е.В. Головиной

Рисунки Сильви Тибер

Редактор *И.В. Кулюкина*

Дизайн: *А.П. Зарубин*

Корректоры: *О.В. Круподер, В.А. Нэй*

Подписано в печать 10.02.2020 г.

Формат 60 × 90/16. Гарнитура Гарамонд.

Печ. л. 10,5. Тираж 1000 экз.

ООО «Издательство «Этерна»

115477, г. Москва, Кантемировская ул., д. 59а

Тел./факс: (495)755-81-23

E-mail: info@eterna-izdat.ru

www.eterna-izdat.ru